УДК 321.8

АНТРОПОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ ЯЗЫКА

© 2012 г. ***Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель***

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье показано, что в рамках одной и той же культуры сосуществуют разные антропокультурные типы человека, ориентирующиеся на различные ценностные установки, идеалы и представления. Данные антропокультурные типы не только вырабатывают «свои языки» (которые выражают определенные жизненные ориентации), но через них стремятся завоевать более высокие статусные позиции и утвердить свою власть в обществе.

Ключевые слова: *антропокультурный тип человека; язык; культура; смысл.*

In the article authors show how inside one culture appears the coexistence of different anthropologic and cultural human types, with different value aims, ideals and ideas. These anthropologic and cultural human types not only work out their «own languages» (based on special lifestyle ideas), but also use these languages to get higher social status positions and strengthen the authority inside the community.

Key words: *anthropologic and cultural human types; language; culture; sense.*

Ни одна культура не является однородной. Люди различаются не только соматически и психологически, но и культурно, т. е. являются приверженцами различных ценностных ориентаций, этических систем, обладают разной степенью рефлексивности по поводу цели и смысла своего существования. Однако культура носит не только открытый, но и скрытый, неявный характер, противореча официально провозглашаемым в социуме целям и идеалам. Впрочем, «скрытый» не означает «несуществующий». Поэтому в рамках одной и той же культуры сосуществуют носители разных культурных систем: официальной и неофициальной; явной и латентной; уже исчерпавшей своей потенциал, но еще не исчезнувшей до конца; нарождающейся, которая, однако, уже формирует свои ценностные предпочтения и установки. Это свойство «представлять собой» определенную культурную систему мы называем культурно-антропологическим типом человека.

Ни один культурно-антропологический тип человека, однажды возникнув, не исчезает с лица Земли, а продолжает существовать (скрыто или явно), сосуществуя с другими, а зачастую и маскируясь под них. Исследование конкретных черт культурно-антропологических типов человека может проводиться на разном материале — от повседневных практик до высоких образцов культуры, от языка повседневного общения до языка искусства. В данной статье мы попытаемся проследить рождение и сосуществование различных антропокультурных типов человека в России, начиная с революционных времен XX века, и особенности их речевой практики.

Определим прежде всего наши исходные методологические позиции. В ходе возникновения и секуляризации современного общества трансцендентальные смыслы культуры утрачивались и, соответственно этому, терялась и власть священных слов, а также социальных групп, которым предоставлялось право их произносить. Язык перестал быть сакральной ценностью, рационализировался, избавился от глубинных сакральных смыслов, превратился в орудие манипуляции

сознанием масс. Сама идея свободы слова, утверждаемая в ходе буржуазных революций в Европе, приводила к тому, что слова превращались в некую безличную массу, что вело к разрушению и самого языка.

Проблема единства культуры, которой занимались многие философы и культурологи, оказывается весьма сложной, она никоим образом не упростилась даже после признания возникновения и широкого распространения в обществе массовой культуры и ее носителя — «человека толпы». Этот монолит оказался изначально разделенным самим характером языковой деятельности, ведь одно дело — восприятие культурных ценностей и другое дело — их создание. До Р. Барта социальное разделение языка на уровне транслингвистического подхода или социокультурного дискурса практически не изучалось. Существование социолектов в рамках одного социального языка на фоне глобального распространения массовой культуры для исследователей явно оставалось в тени. Важно отметить, что социолекты в национальных языках не сообщаются друг с другом: они замкнуты на себя, они равнодушны друг к другу. Но между ними существуют огромные области недоговоренных, непроговоренных смыслов, таящие в себе огромные пласты неиспользуемых значений.

По Р. Барту, социолекты «нелюбопытны», и мы обходимся языком «себе подобных», особенно не нуждаясь в «языке другого», разве что в общих рассуждениях о погоде.

Здесь возникает противоречивая методологическая ситуация. С одной стороны, Р. Барт утверждает, что социолекты напрямую не детерминированы разделением труда, разделением людей на социальные группы и классы, а ведь именно такой подход является превалирующим в социолингвистике. По мнению Р. Барта, с одной стороны, взаимонепроницаемость социолектов воспринимается изначально на «малопонятном экзистенциальном уровне». Правда, с другой стороны, тут же признается, что это разделение все-таки связано с социально-экономическими причинами [1, с. 526–527]. С нашей точки зрения, выходом из этой противоречивой методологической ситуации является нахождение посредствующего звена между социальной действительностью и разделенным внутри себя языком. Речь идет о том, что социолекты напрямую отражают разделенность членов общества на определенные антропокультурные типы, важнейшим признаком которых выступает «свой» язык, являющийся результатом длительного исторического развития.

Недаром в ходе исследования социолектов ученый попадает в ситуацию, характерную для неклассической науки: разделенность языка не может быть изучена без учета того, что сам исследователь является носителем того или иного социолекта, включающего в себя свою систему ценностей, оценок и понимания. Он подобен физику, который, рассматривая проблемы микромира, должен учитывать и позицию самого познающего субъекта. Таким образом, современная социолингвистика «работает» в парадигме неклассической науки. Когда мы вводим понятие «антропокультурный тип» для объяснения разделения языка, то тем самым мы отвечаем на проблему, поставленную Р. Бартом. Почему нарушается привычный для лингвистов порядок исследования, при котором изучение отдельных феноменов предшествует их типологизации? Дело в том, что сам анализ социолектов основан прежде всего на вычленении их типов, связанных с существованием соответствующих антропокультурных типов в данном социуме. В результате социолингвистика приобретает оценочный характер. Данное обстоятельство вполне объяснимо при использовании концепта «антропокультурный тип человека»: ведь каждый антропокультурный тип вырабатывает определенный тип социолекта.

Разнообразие является одним из основополагающих моментов существования культуры. Оно проявляется во многих сферах, формах и способах ее существования, в том числе и в языке. В литературно-художественной форме (а потому яркой и убедительной) это выразил М. Павич во фрагменте «13 кухонных языков» своего знаменитого произведения «Звездная мантия». Основываясь на библейской притче о смешении языков как кары господней за гордыню, выразившейся в попытке строительства Вавилонской башни, М. Павич утверждает: для поиска утраченной истины, для раскрытия подлинного значения человеческой мысли, которая «не бывает прямолинейной», ее надо перевести на тринад-

цать разных языков, и «тогда в междузначии рождается истина. Истина, следовательно, содержится не в языке, а в междусмыслии разных переводов одного и того же текста» [2, с. 619].

Как уже отмечалось, отличается не только один язык от другого: в каждом языке внутри него самого существуют различия: «Лингвистам, конечно, известно, что любой национальный язык (например, французский) имеет некоторое количество разновидностей, однако среди этих разновидностей изучались лишь географические (местные диалекты и говоры), а не социальные; *социальное же расслоение языка* (*выделено авт.*) хотя в принципе и признается, но на практике приуменьшается, сводится к различию «манер» выражения (арго, жаргоны, смешанные языки). Считается к тому же, что язык вновь обретает свое единство на уровне говорящего, у которого есть свой собственный язык, индивидуальная речевая константа, именуемая идиолектом; всякие же разновидности языка воспринимаются как его промежуточные, неустойчивые, «забавные» состояния, как какие-то экзотические причуды его социального бытования. Такие воззрения берут начало в XIX в. и вполне отвечают определенной идеологии (ей не был чужд и сам Соссюр), противопоставляющей общество (естественный язык и его систему) и индивида (идиолект, стиль)…» [1, с. 519].

Однако разделение языков на социолекты унифицируется под влиянием национального языка и с помощью массовой культуры — не только потому, что она формирует однородные, гомогенные объекты в результате своего воздействия, но также потому, что эти объекты она превращает в потребителей, для которых, пользуясь терминологией Р. Барта, характерен язык *«слушания»*, а не *«язык желания»*, деятельность пассивного восприятия, а не творческая сопричастность. Именно язык *«слушания»* все более и более становится привычным, проникая в процессы товарного обмена, в социальные ритуалы, в формы досуга и т. п. Эту мысль можно применить и к анализу массовой культуры, и к анализу антропокультурных типов человека.

Действительно, массовая культура, при всей ее самовоспроизводимости, все же кем-то создается, и ее творцы проецируют на общество свое понимание того, каким оно является и каким должно быть. Каждый отдельный «творец» массовой культуры является лишь конкретным, персональным носителем определенной системы идей и ценностей, не всегда подчиняющийся доминирующим в этой сфере вкусам (хотя он вынужден подчиняться ее стереотипным установкам). Этот «творец» использует язык желания, но для своей «паствы» он превращает его в язык слушания.

Язык желания может выступать одним из средств выделения и новых антропокультурных типов человека, но по мере своего распространения для других антропокультурных типов он превращается в язык слушания, унифицирующий общество. О каких антропокультурных типах человека идет речь?

Изобилие характеристик и определений человека, появляющихся на протяжении XX и XXI веков — «одномерный человек» (Г. Маркузе), «человек играющий» (Й. Хейзинга), Homo digitalis (Н. С. Ларионова), «человек разорившийся» (в разнообразных публикациях перестроечной эпохи), «человек отдыхающий» (Р. Инглхарт), «человек бегущий» (О. Э. Душин), «постчеловек», и т. п. являются отражением реального процесса возникновения новых черт современного человека, являющихся реакцией на глубинные изменения в экономической, политической и социальной жизни, в современной культуре в целом, когда трансформируются жизненные сценарии, стратегии и тактики поведения, религиозные нормы, семейные ценности, установки политических партий и государственных лидеров, экономические ориентации, способы и средства межличностной коммуникации и, конечно, языковые нормы и речевая практика[1].

Рождение нового антропологического типа в постреволюционной России было зафиксировано М. А. Булгаковым в «Собачьем сердце» в образах Шарикова и Швондера. Для них характерны способность к «прихватизации» (возрожденная затем в эпоху пере-

1 Принципиальность этих изменений особенно ярко выражается в исчезновении из современного социогуманитарного дискурса такого определения человека, как «трудящийся».

стройки); готовность к разрушению, а не созиданию; деиндивидуализация; агрессивное противопоставление «своих» «чужим».

Рождение нового антропологического типа неизбежно сопровождается изменениями в языке. Интересные наблюдения этих изменений были сделаны А. Селищевым [3]. В работе «Язык революционной эпохи» он зафиксировал все более частое употребление слов и выражений, ранее считавшихся фамильярными и грубыми. Эти слова и выражения распространяются во все более широких слоях населения, особенно среди молодого поколения. Эти изменения, отмечает А. Селищев, характерны не только для речи российских, но и для языка французских революционеров. Источником новых образцов выступает речь *«авторитетных представителей командных высот»,* причем оттенки значений слов, распространяющихся в партийной и советской среде, утрачиваются или изменяются, их эмоциональная значимость уменьшается, в результате чего создаются речевые шаблоны. «Новая речь» включает в себя «крепкие словечки и выразительные сочетания языка деревни, фабрики, низших слоев населения города». Другой особенностью нового языка, отмеченной А. Селищевым, является употребление терминов военного происхождения: «борьба», «беспощадная борьба», «решительный бой», «армия», «ряды», «смотр», «знамя» и т. д. Сама общественно-культурная жизнь трансформируется в поле боевых действий и распадается на множество «фронтов»: *боевой фронт* труда, хозяйственный фронт, продовольственный *фронт*, *фронт* просвещения, *фронт* учебы и т. д.

Этот новый тип противоположен «классическому» культурно-антропологическому типу русского человека, для которого, как писал Н. А. Бердяев, характерна «исключительная отрешенность … от земных благ». Отсюда проистекает «слабость правосознания» и «недостаток буржуазной честности». Язык «классического» культурно-антропологического типа человека любой культуры — это литературный язык, который, конечно же, развивается, но его главная особенность, на наш взгляд, состоит в том, что он способен выражать высокие духовные смыслы. Особенностью, к примеру, русского языка является, как отмечал В. Набоков, «музыкальная недоговоренность», в отличие, скажем, от «обстоятельности» английского [4].

В работе «Размышления о русской революции» Н. А. Бердяев писал: «…в России образовался новый слой, не столько социальный, сколько антропологический слой. В русской революции победил *новый антропологический тип* (в*ыделено авт.*). Произошел подбор биологически сильнейших, и они выдвинулись в первые ряды жизни. Появился молодой человек во френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый. … Это — новый русский буржуа, господин жизни, но это не социальный класс. Это прежде всего *новый антропологический тип* (*выделено авт.*). В России, в русском народе что-то до неузнаваемости изменилось, изменилось выражение русского лица». Рассуждая о дальнейшем существовании этого нового культурно-антропологического типа, Н. А. Бердяев предрекает его тяготение к утверждению технической цивилизации и отказ от высшей культуры (всегда аристократической). К существенным характеристикам этого типа относится также «внешнебытовое и корыстно-утилитарное отношение к православной Церкви» [5].

Этот «новый антропологический тип» оказался удивительно живучим, приспособившимся и к новым перестроечным и постперестроечным реалиям. Сегодня мы с тревогой наблюдаем проникновение в широкую речевую практику сниженной лексики, языка зоны, простонародного языка, матерных выражений и т. п. Эти явления есть не просто сугубо филологическая проблема, вполне безопасная для общества, нет: вытеснение литературного языка есть средство и, одновременно, симптом вытеснения одних антропокультурных типов человека другими. Именно поэтому борьба так неравна: ведь каждый язык создается для выражения *определенного* реального опыта и *определенной* жизненной ориентации: «…всякий язык организует универсум, о котором можно сказать и помыслить в определенной форме *содержания.* … Согласно некоторым теориям, *естественный язык приспособлен для выражения определенного реального опыта, но не*

опытов, реальных для других естественных языков» [6, с. 30, 31]. Конечно, эта крайняя позиция подвергается критике, однако применительно к опыту, интенциям и смыслу существования разных культурно-антропологических типов данная позиция представляется вполне уместной. Поэтому в революционную эпоху превалирует военная лексика, в обществе тоталитарном — новояз, а в кризисном — тюремная и матерная.

Принципиально важно, что в рамках одной и той же культуры (в том случае, если она полистилистична или если она находится в состоянии перехода от одного состояния к другому) не только выделяются разные субкультуры, но формируются человеческие типы, ориентирующиеся на различные ценностные установки, идеалы и представления (в истории всей человеческой культуры также можно выделить сосуществующие разные «человеческие носители» потенциала этих культур и субкультур). Данные антропокультурные типы не только вырабатывают «свои языки» (лексику, интонации, стереотипы и шаблоны), но через них стремятся завоевать более высокие статусные позиции и утвердить свое господство в обществе. В связи с этим хочется обратиться к весьма тонкому замечанию У. Эко по поводу вавилонского смешения языков: «…именно с этого момента (имеется в виду труд ирландских грамматистов VII в. «Предписания поэтам», в котором была предпринята попытка выявить преимущества народного гэльского языка перед латинской грамматикой — *прим. авт.*) эпизод смешения языков осмысляется уже не только как пример гордыни, которую постигла небесная кара, но и как начало некоего исторического (или метаисторического) изъяна, который дóлжно ликвидировать» [6, с. 27].

Изменения социокультурных ориентаций в современной культуре существенным образом влияют не только на видимую повседневную жизнь индивидов, но трансформируют их внутреннюю человеческую организацию, что приводит к необходимости поставить вопрос о появлении новых культурно-антропологических типов человека, формирующихся под воздействием новых ценностных и целевых ориентиров и установок. На протяжении истории нашей страны в XX веке в послереволюционный период можно выделить появление таких антропокультурных типов, как: «человек труда» в социалистическом варианте, «простой советский человек» (это, скорее, идеальный тип, однако он был доминирующим в советское время, важнейшим признаком которого являлась коллективистская устремленность, готовность к труду и лишениям, социальный оптимизм, патриотизм) и «совбюр» (советский бюрократ-«аппаратчик»). Особо следует упомянуть «шестидесятников».

К числу развивающихся специфических черт антропокультурного типа «человека перестроечной эпохи» или эры «красных пиджаков» (повторяем, это не единственный тип, существующий в нашем переходном обществе, но именно он завоевал широкое распространение) следует отнести крайний индивидуализм; потребность к неограниченной «прихватизации», некритическое восприятие новой информации (особенно если она поступает через аудио- и визуальный каналы); развитие способности в погоне за сиюминутной выгодой к быстрому переходу от одного вида деятельности к другому, что предполагает примат поверхностности, а не содержательности; легкость при смене идентичности; псевдоинтеллектуализм; сворачивание эмоциональных реакций на происходящее в социуме «здесь и сейчас», «размывание» языковых дискурсов («смешение французского с нижегородским», сниженная лексика, «англояз» — употребление американизированных слов и выражений) и др.

Таким образом, в современной культуре возникает и получает широкое распространение своеобразный «усредненный» антропокультурный тип человека, что на уровне языка проявляется прежде всего в сниженной лексике, возникновении языковых дискурсов, не требующих особых интеллектуальных усилий для овладения ими. Это не просто «человек массы», эрзац-продукт массовой культуры. Это «зоологический» индивидуалист, уверенный в своем праве на сугубо эгоцентрическое толкование границ своей свободы и выдающий примитивизм за истину своего бытия. За ницшеанской гранью «добра и зла» скрывался не «сверхчеловек», а культурно-недоразвитый тип «недочеловека». За всем этим стоит опаснейшее явление — скрытое снижение, «опрощение» смыслового уровня

культуры в целом, деградация ее ценностного ядра.

Литература

1. *Барт Р.* Разделение языков. // Избр. работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989.

2. *Павич М.* Звездная мантия. // Павич М. Избранное. — СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2002.

3. *Селищев А.* Язык Революционной Эпохи. — М., 1928.

4. *Набоков В.* Предисловие к роману «Другие берега». // Набоков В. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. — М.: Изд-во «Правда», 1990.

5. *Бердяев Н. А.* Размышления о русской революции. — М., 2009.

6. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. — СПб.: «Александрия», 2007.

Поступила в редакцию *3 сентября 2012 г.*

Людмила Александровна Штомпель — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и социологии архитектуры и искусства факультета архитектуры и градостроительства ЮФУ.

Ludmila Aleksandrovna Shtompel — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor, head of SFU Architecture and Art Philosophy and Sociology department (Architecture and Urbanistics faculty).

344010, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, д. 68, кв. 28
68 Budennovskiy ln., app. 28, 344010, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (863) 234-57-29; e-mail: shtompel@donpac.ru

Олег Михайлович Штомпель — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой исторической культурологии факультета философии и культурологии ЮФУ.

Oleg Mikhailivich Shtompel — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor, head of SFU Historical Study of Culture department (Philosophy and Study of Culture faculty).

344010, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, д. 68, кв. 28
68 Budennovskiy ln., app. 28, 344010, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (863) 234-57-29; e-mail: shtompel@donpac.ru